

СЕГОДНЯ СПЕКТАКЛЬ ОТМЕНЯЕТСЯ..

режиссер не режиссер, но победивший...
ней об этой работе, не давая никаких советов...
— Знаю только, что Милу Владимировичу Сулямову не надо...
как и играю...
говорю — Р. Савинко...
карточке (у него за всех заведены также учетные карточки) против этой роли яриговец зеленый квадрат. Это, кажется, актриса что тройка.

Давно, давно...
зрителим свой...
В. В. Белинский: «Любите ли Вы театр так, как и люблю его, так, чтобы вся сила души в него влилась?»
Однако именно в этот вопрос...
Немалодушный след в сердце...
Взгляды остаются только в иной специфической форме, а эмоциональное воздействие спектакля подчас даже сильнее, чем книга или картина.

Можно смело утверждать: да, зрители любят театр, любят всеми силами души своей. Но, разумеется, не всякий театр. И не всякий спектакль. А лишь тот, который страстен, вдохновен, интересен. И дарит мысли, по содержанию.

Представьте себе разочарованного зрителя, когда они слышат на избранный ими спектакль, в походы совсем на другой. Ибо на вечерке, в театре или на окрестке кассы красуется унылое объявление: «Сегодня спектакль отменяется. Вместо него пойдет...»

Подобные объявления за последние два-три года стали далеко не редкостью у кассы Театра имени В. Ф. Комиссаржевской. И вот нескладно сотни зрителей, которые мечтали сегодня вечером познакомиться, скажем, со сказочными героями подполковника им произведений Д. Гринина «Иду на грозу», неожиданно попадают на пустой и индифферентный водень «Сор из избы».

А сколько готовящихся спектаклей вообще не родилось, не увидело огней рампы? «Белый телефон», «Вестсайдская история», «Вызвист старая дама» — вот эти спектакли. Некоторые из них были сняты до премьеры самим коллективом, иные творческими организациями с участием театральной общественности. Но причины во всех случаях были примерно одна и та же — либо слабое качество драматургии, либо недостаточная продуманная театром трактовка.

Были и незадачные провалы и такие спектакли, которые в конечном счете «снялись» зрители. Он попросту переставал ходить в «Кордебальную роллу», «Большое волнение», «Горестную жизнь плутов», и они постепенно уходили со сцены. Не зарывался и желанный спектакль театра «Объяснение в невинности» И. Штока.

Почему же это происходит? Почему в последнее время коллектив Театра имени В. Ф. Комиссаржевской не отвечает всей мерой художественной и гражданской страсти на большую и требовательную любовь зрителей?

СОР ОСТАЕТСЯ В ИЗБЕ

Возьмем главное звено театральной актерской пех, актерский коллектив, насчитывающий 50 человек.

Нет ничего дороже в любой актерской труппе, чем дух взаимности, чувство общей ответственности, дружбы, уважения, единения в творческих поисках. Увы, сейчас всего этого можно сейчас наблюдать эти качества у актеров Театра имени В. Ф. Комиссаржевской. Труппа раздирается внутренними противоречиями, она кипит и бурлит, как потрепанная улей. Она живет напряжением, но это напряжение не творческой жизни. И именно поэтому не удается ей творчески подготовиться к роли.

В одной из комнат может быть нормальная обстановка в коллективе, если над новым спектаклем работает всего 9—10 человек, а остальные ходят без дела? Из-за этого труппа лихорадит, иные актеры репетируют месяцами без выходящих дней.

Неравномерная нагрузка актеров — большое зло в деятельности любого театра. Здесь же оно усугубляется тем, что труппа сформирована крайне неудачно. Говорят, что в старину опытные актрисы комплектовали труппу по списку ролей «Горь от ума». Если в труппе есть хорошие актеры на роли Чацкого, Софьи, Лизы, Молчалина, Фамусова и других, — такой труппе по плечу любой спектакль.

вет театр. Существуют и такие мнения, что репутация театра безупречна и не надо выносить сор из избы.

А не эффективнее ли вместо «Сор из избы» со сцены театра и позависать о том, чтобы и впереди не повалился также убогий спектакль, а коммунистам театра, членом его художественного совета и других общественных организаций стать принципиальнее, больше заботиться о марке театра, о его зрителях, о высоких задачах искусства?

«СВОИМИ СЛОВАМИ...»

Однажды, когда зрители были еще дома и заканчивали свои приготовления к театру, за кулисами происходил примерно такой диалог.

— Умолю! Ты должен спасти! Ты помнишь все выходы. Повторю!

— Это абсурд. Немыслимо.

— В нашем положении, голубчик, все мыслимо. Борись серьезно болем. Выручай! Нельзя же опять отменять. Сыграй как-нибудь!

— Без единой репетиции? Не могу.

— Радя театра. Пойми! Долгая пауза.

— Ладно. Но только говорить буду своими словами.

Он ставит выявлять фамилию уважаемого актера, который, как это не парадоксально, именно из-за любви к театру решился на такой творческий компромисс. Не ставим намывай, тем более, что, к счастью, компромисс не состоялся. На этот раз заблудивший актер смог прийти в театр и сыграть роль.

А сколько раз зрители уходили домой, разочарованные заменой спектакля, или были свидетелями скропальными случайными выходов новых исполнителей, когда, например, пятнадцатилетняя актриса играла мальчишку.

Убереечь театр от таких случайностей легко — нужны вторые составы исполнителей. Это тем более необходимо, что вторые составы в значительной мере помогут вывести актеров из простоя, в котором многие оказались. Однако на вторые составы у главного режиссера М. Сулямова свой взгляд. Он являлся его на состоявшиеся недавно отчетно-выборном партийном собрании, заявив, что вторые составы сейчас будут вряд ли целесообразны, так как он не видит в труппе равноценных исполнителей.

А есть ли вообще актеры, которые могут абсолютно равноценно сыграть одну роль? Работая труппой со вторым исполнителем, постановщик иногда может открыть самые неожиданные возможности образа.

Бытует в Театре имени В. Ф. Комиссаржевской слово «средяки». Оно обозначает актеров, которые не молодые и не старые, не молодые и не начинающие, но обладающие талантом и не бездарные, а лишь «средяки» середины. Именно к этой труппе чаще всего относится фраза — «приговор режиссера: «Не вижу». Не видит режиссер — и все. И актер ничего не играет.

А когда бы слишком долго не играют, то со временем и сам терпит представление о том, на что способен, терпит веру в себя, терпит профессиональные навыки. И уже трудно бывает сказать, действительно ли актер ничего не мог, а может, у режиссера со временем был перелом.

Попав в этот «средяки» при существующем положении в театре очень просто, а вырваться оттуда очень сложно. Разве что объявить за два часа до спектакля «СОС» в какой-нибудь «средяки» актер с отчаянием скажет: «Я попробую». Сыграет в спектакле, и с той поры увидит его режиссер и оставит играть эту роль.

Сколько раз выручал театр С. Винограда. Критиковали его потом не sparingly, сравнивая с основными исполнителями: играл не лучшим образом. Да ведь никто его не готовил — сам «выбирал» себе роли, сам работал над ними. Иногда играл в сто раз, например в «Безупречной репутации». Может быть, и не эти роли нужны были ему. А на эти найдется еще кто-то другой в труппе, если режиссер присмотрится. Присмотрится и поработает. Уже не во имя успеха на примере, а во имя любви к спектаклю, к театру, к искусству.

ЗЕЛЕННЫЕ КВАДРАТЫ

Коллектив из нескольких десятков человек не может держаться и крепнуть только на основе взаимной симпатии всех членов. Для этого нужна самонастройка, а чувство симпатии устойчиво и неизменно. Чтобы труппа жила, нужны более долгие и прочные основы — единство идейное и эстетическое, принципиальное единство творческих программ. И это единство режиссера, призван руководить актерами, воспитывать творческую любовь к искусству и искусному коллективу в русло совместных предвзятых принципов. Но режиссеры в Театре имени В. Ф. Комиссаржевской как таковой нет. Есть один главный режиссер.

Вот эпизод из жизни театра.

«Главную роль в «Дикор» играет молодая актриса Р. Савинко. Она была введена в готовый спектакль, когда основная исполнительница ушла из театра. С той поры прошло четыре года! За это время главным

точкой) против этой роли яриговец зеленый квадрат. Это, кажется, актриса что тройка.

Надо ли доказывать, что мало прорывать актеру роль, важно сделать так, чтобы он поверил в свои возможности, помог раскрыть их. Иногда просто полезно помочь человеку увидеть себя на фоне всех других и всех других — на фоне себя. Если стоять во главе труппы, руководить ею — это значит любить актера, заботиться о нем, интересоваться его судьбой, помогать ему и требовать от него многого проявляя творческий смел, быть чужим и нежным актеру в творчестве, требовательным и принципиальным как в решении главных вопросов творческой деятельности, так и в мелочах.

В стеновой газете «Комиссаржевца» М. Сулямов писал актрисе в театре нужна и важна лишь одна точка зрения — интерес театра. И то, что служит интересам театра, нужно и полезно; то же, что противоречит им, вредно и требует отсечения. Справедливость требует сказать, что идут годы, а главный режиссер все еще, по сути, не разоблачил, что же нужно и полезно театру, и что и почему требует отсечения. Возможно, где-то для себя он нарисовал и на этот счет какие-то, сильные и оравленные квадраты, но они очень верно характеризуют положение дел в труппе. Но куда полезнее было бы собрать коллектив и труппу, всемерно заглянуть о своих требованиях к каждому и о тех посылках, которые есть у актера.

Разумеется, один человек, даже если он главный режиссер, не в состоянии и ставить спектакли, и следить за творческим ростом актеров и контролировать состояние текущих репертуара, и готовить актерские составы, а иногда еще писать инсценировки и оформлять постановки как художник. Даже если это самый добросовестный человек. Тут в интересах ли театра было отпустить штатного режиссера И. Ольшангеря в длительный творческий отпуск, сдвигая для постановки спектакля в Академическом театре Драмы имени А. С. Пушкина, а потом на студию «Ленфильм», и приглашать взамен людей случайных?

И в интересах ли театра занять позицию замалчивания недостатков, которая во многом и создает в труппе нездоровую обстановку, вернувшись актеру. Как правило, в Театре имени В. Ф. Комиссаржевской не бывает ни творческих конференций по вопросам театрального искусства, ни деловых профессиональных совещаний, где бы люди могли громко, в силу готовности к всему, то, что их волнует. Знать же не могут, что их коллектив обустраивать выступившая печать в адрес театра.

Может ли в такой обстановке серьезно идти речь о воспитании единых идейных и эстетических принципов коллектива, единой творческой программы...

СЫРЫМ был принят и работе спектакля-концерта, посвященного столетию со дня рождения В. Ф. Комиссаржевской «Безумству храбрых». К голосам отдельных актеров, требующих доработки литературной основы, руководящего театра не прислушались. Сценарий «запустили» в производство. Далеко еще не готовый спектакль включили в репертуар юбилейных гастролей в Кремлевском театре. Об этом событии широко известно Всесоюзное радио. Блестящий спектакль был распродан.

Накануне отъезда выяснилось, что показывать такой слабый спектакль нельзя. В Москву на юбилейные торжества повезли старые (правда, лучшие) спектакли.

Этот сорв невозможно объяснить случайностью. Она — логически закономерная, вытекающая из существующей работы театра в последние времена. Он — следствие распада коллектива. Он — результат отсутствия режиссера. Он — итог вадной работы литературной части. Он говорит об отсутствии сегодня требовательности. Приходит на замену слова К. С. Станиславского о том, что каждый художник должен прежде всего любить искусство, а не себя в искусстве.

И мы вправе сегодня со всей ответственностью задать вопрос, обращаясь к каждому члену этого сообщества: насколько творческую работу коллектива?

— Любите ли вы театр? Любите ли вы прежде всего искусство?

К. КЛЮЕВСКАЯ
О. ПЕРСИДСКАЯ

ЗЕЛЕННЫЕ КВАДРАТЫ

Коллектив из нескольких десятков человек не может держаться и крепнуть только на основе взаимной симпатии всех членов. Для этого нужна самонастройка, а чувство симпатии устойчиво и неизменно. Чтобы труппа жила, нужны более долгие и прочные основы — единство идейное и эстетическое, принципиальное единство творческих программ. И это единство режиссера, призван руководить актерами, воспитывать творческую любовь к искусству и искусному коллективу в русло совместных предвзятых принципов. Но режиссеры в Театре имени В. Ф. Комиссаржевской как таковой нет. Есть один главный режиссер.

Вот эпизод из жизни театра. «Главную роль в «Дикор» играет молодая актриса Р. Савинко. Она была введена в готовый спектакль, когда основная исполнительница ушла из театра. С той поры прошло четыре года! За это время главным

режиссер не режиссер, но победивший...
ней об этой работе, не давая никаких советов...
— Знаю только, что Милу Владимировичу Сулямову не надо...
как и играю...
говорю — Р. Савинко...
карточке (у него за всех заведены также учетные карточки) против этой роли яриговец зеленый квадрат. Это, кажется, актриса что тройка.

Надо ли доказывать, что мало прорывать актеру роль, важно сделать так, чтобы он поверил в свои возможности, помог раскрыть их. Иногда просто полезно помочь человеку увидеть себя на фоне всех других и всех других — на фоне себя. Если стоять во главе труппы, руководить ею — это значит любить актера, заботиться о нем, интересоваться его судьбой, помогать ему и требовать от него многого проявляя творческий смел, быть чужим и нежным актеру в творчестве, требовательным и принципиальным как в решении главных вопросов творческой деятельности, так и в мелочах.

В стеновой газете «Комиссаржевца» М. Сулямов писал актрисе в театре нужна и важна лишь одна точка зрения — интерес театра. И то, что служит интересам театра, нужно и полезно; то же, что противоречит им, вредно и требует отсечения. Справедливость требует сказать, что идут годы, а главный режиссер все еще, по сути, не разоблачил, что же нужно и полезно театру, и что и почему требует отсечения. Возможно, где-то для себя он нарисовал и на этот счет какие-то, сильные и оравленные квадраты, но они очень верно характеризуют положение дел в труппе. Но куда полезнее было бы собрать коллектив и труппу, всемерно заглянуть о своих требованиях к каждому и о тех посылках, которые есть у актера.

Разумеется, один человек, даже если он главный режиссер, не в состоянии и ставить спектакли, и следить за творческим ростом актеров и контролировать состояние текущих репертуара, и готовить актерские составы, а иногда еще писать инсценировки и оформлять постановки как художник. Даже если это самый добросовестный человек. Тут в интересах ли театра было отпустить штатного режиссера И. Ольшангеря в длительный творческий отпуск, сдвигая для постановки спектакля в Академическом театре Драмы имени А. С. Пушкина, а потом на студию «Ленфильм», и приглашать взамен людей случайных?

И в интересах ли театра занять позицию замалчивания недостатков, которая во многом и создает в труппе нездоровую обстановку, вернувшись актеру. Как правило, в Театре имени В. Ф. Комиссаржевской не бывает ни творческих конференций по вопросам театрального искусства, ни деловых профессиональных совещаний, где бы люди могли громко, в силу готовности к всему, то, что их волнует. Знать же не могут, что их коллектив обустраивать выступившая печать в адрес театра.

Может ли в такой обстановке серьезно идти речь о воспитании единых идейных и эстетических принципов коллектива, единой творческой программы...

СЫРЫМ был принят и работе спектакля-концерта, посвященного столетию со дня рождения В. Ф. Комиссаржевской «Безумству храбрых». К голосам отдельных актеров, требующих доработки литературной основы, руководящего театра не прислушались. Сценарий «запустили» в производство. Далеко еще не готовый спектакль включили в репертуар юбилейных гастролей в Кремлевском театре. Об этом событии широко известно Всесоюзное радио. Блестящий спектакль был распродан.

Накануне отъезда выяснилось, что показывать такой слабый спектакль нельзя. В Москву на юбилейные торжества повезли старые (правда, лучшие) спектакли.

Этот сорв невозможно объяснить случайностью. Она — логически закономерная, вытекающая из существующей работы театра в последние времена. Он — следствие распада коллектива. Он — результат отсутствия режиссера. Он — итог вадной работы литературной части. Он говорит об отсутствии сегодня требовательности. Приходит на замену слова К. С. Станиславского о том, что каждый художник должен прежде всего любить искусство, а не себя в искусстве.

И мы вправе сегодня со всей ответственностью задать вопрос, обращаясь к каждому члену этого сообщества: насколько творческую работу коллектива?

— Любите ли вы театр? Любите ли вы прежде всего искусство?

К. КЛЮЕВСКАЯ
О. ПЕРСИДСКАЯ